

Квазиценность современного учения об объекте преступления

Бочкарёв С.А.,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права РАН
E-mail: bochkarvs@mail.ru

Аннотация. В свете категории «ценность» проанализированы основные положения современного учения об объекте преступления. Исследование показало, что теории общественных отношений и правовых благ основаны на единой мировоззренческой основе — позитивизме, с чем связаны их основные недостатки. Главный из них состоит в том, что ни одна, ни другая категория не отвечает требованиям правовой ценности. Спрогнозировано, что дальнейшее уточнение определений указанных объектов не приведет к появлению нового в теории уголовного права, к его модернизации. Внесены предложения методологического плана по развитию учения об объекте преступления.

Ключевые слова: объект преступления, общественные отношения, правовое благо, ценность, правовые ценности, уголовное право, аксиология, должное, необходимое, марксизм, позитивизм, материализм.

Постановку заявленной темы на первый взгляд оправдывает немного. Ознакомление с авторитетными источниками убеждает в том, что учение об объекте преступления следует относить к одному из наиболее устоявшихся, сформировавшихся и консервативных дискурсов в составе отечественной доктрины уголовного права. По широкому кругу вопросов этой дисциплины подавляющим большинством правоведов достигнуто понимание. С их явного или молчаливого согласия можно уверенно считать общепризнанным, что, как писал В.Н. Кудрявцев, «объектами преступлений, предусмотренных уголовным законодательством, являются общественные отношения»¹ (к примеру, отношения собственности или отношения, обеспечивающие неприкосновенность личности — охрану его жизни, здоровья и свободы). Следовательно, объектом выступает то, как разъяснил Л.Д. Гаухман, на что посягает преступление, на что оно направлено, что оно нарушает и чему причиняет или может причинить вред².

Резонанс вносят соискатели ученых степеней, которые с таким видением не согласны и высказывают другую точку зрения. Обосновывая научно-практическое значение своих работ, они указывают на низкую степень разработанности учения об объекте преступления и на его несоответствие требованиям современности. Часто ссылаются на слова М.Д. Шаргородского и Н.С. Алексеева о незначительных успехах отечественной науки в деле разрешения проблем объекта преступления³, которые, по оценкам

современников, спустя более полувека сохраняют свою актуальность. Высказывают мнения о невозможности сохранения сложившейся теории в неизменном виде. На основе своей убежденности в ее «заштампованности» предлагают подвергнуть ревизии. Полагают, что отказ от до сих пор господствующей философии марксизма может способствовать пересмотру критикуемых научных положений, «разработке новой концептуальной основы» или возвращению к «объединенной концепции причинения вреда человеку». Активно продвигают идеи незаслуженно забытых дореволюционных криминалистов.

Сосуществование диаметрально противоположных точек зрения создает двойное впечатление об актуальности заявленной темы. Однако представляется, что для констатации наличия двусмысленности не имеется достаточных оснований. Во-первых, необходимость обращения к теме объекта преступлений соискатели нередко мотивируют одной лишь важностью знаний о нем, от качества которых, как они утверждают, напрямую зависит возможность уяснения сущности и природы основных институтов отрасли. Во-вторых, несмотря на заявления о научной новизне и достижении эвристических результатов, авторы диссертационных исследований, защитившие свои работы в постсоветский период, в основной массе не произвели качественно нового знания. К числу их главных и, без сомнения, полезных достижений следует отнести то, что им удалось обратить внимание на дореволюционное наследие науки уголовного права и вовлечь его в орбиту современной научной дискуссии. В том числе на основе ретроспекции, юристы сегодня предлагают считать объектом преступления «правовые блага», «правовые нормы», «отдельно

¹ Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам: в 3 т. Т. 1. М.: Наука, 2002. С. 347.

² См.: Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. М.: Юрайт, 2010. С. 117.

³ См.: Алексеев Н.С., Шаргородский М.Д., Актуальные вопросы советского уголовного права // Вопросы совет-

ского государства и права. Учен. зап. ЛГУ. 1954. Вып. 5. № 182. С. 188–189.

взятого человека или какое-то множество лиц», их интересы либо потребности⁴.

Подлинную актуальность теме может добавить разве только то, что в теории уголовного права нечасто употребляется другая категория, которая вынесена в название статьи. Речь идет о «ценности» и о ее антиподе — «квазиценности», о которых немного сказано в теории рассматриваемой отрасли права. С их позиций просматривается, что востребование исторического материала привело лишь к расширению кругозора и увеличению степени вариативности теоретических предпосылок учения об объекте преступления. За кадром осталось то, что между сторонниками и оппонентами «общественных отношений» и «правовых благ» вообще отсутствует предмет для спора. Инициирование этого спора носит искусственный характер, поскольку не может привести и уже не приводит к реально полезным для науки результатам. Как это ни странно, но во взглядах полемистов больше просматривается общего, чем разного. Немногими обнаружено, что они всецело расположены в одной методологической и мировоззренческой плоскости.

И в одном, и в другом подходе ценность как категория глубинного слоя всей интенциональной структуры личности не востребована. Ее значение нивелировано до узких пределов теории преступления, разработчики которой часто используют понятие «ценность» из стилистических соображений и лишь в качестве синонима более привычных категорий (предмета или объекта преступления, охраняемых благ, обозначения их цены). На более высоких уровнях научного осмысления уголовно-правовой действительности «ценность» не востребована. К примеру, вопросы о смысле и предназначении уголовного права, его бытийной ценности для человека и социума, связи с нравственными, моральными и этическими установками индивида поднимаются крайне редко. Их постановка подменяется рассмотрением проблем спроса на уголовное право, его эффективности, затратности и цены. Несоизмеримо более широкий аспект ценностей, конституирующих все право в целом и уголовное право в частности, скрывается за исследованием его принципов, предмета или метода, защищаемых отношений.

⁴ См., напр.: Новоселов Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления (методологические аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001; Семченков И.П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Краснопеов В.А. Объект преступления в российском уголовном праве (теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2001 и др.

Общее в подходах усматривается еще и в том, что ни у одного из них нет собственной предыстории и прототеории. В каждом случае имело место или внутреннее, или внешнее заимствование. Известно, что теория дореволюционного права не располагала представлениями об «общественных отношениях» как об универсальном объекте всех преступлений и не давала советской теории предпосылок для появления в ее источниках соответствующей дефиниции. Опорным пунктом, как в таких случаях выражался Г.С. Фельдштейн, для восприятия наукой общественных отношений в качестве объекта послужило приказное право или, иначе, действующее законодательство. Речь идет о Руководящих началах по уголовному праву РСФСР, утвержденных 12.12.1919 г. Постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР, в которых общественные отношения впервые были названы объектом преступления, а затем в 1924 г. А.А. Пионтковским в аналогичном статусе воспроизведены в его учебнике⁵. Последующее распространение категории и ее внедрение в материю права было обеспечено работой партийного аппарата государства путем насаждения марксистско-ленинских идеологических установок.

В случае с дореволюционной теорией имело место внешнее заимствование. Судя по исследованиям А.П. Чебышева-Дмитриева, С.И. Баршева и ряда других правоведов, уделявших в своем творчестве особое внимание истории русского права и традициям его основных субъектов, специалисты отечественного уголовного права располагали материалом для извлечения собственного предпосылочного знания об объекте деяния, однако в должной мере его не использовали. Предпочтение отдали западноевропейским разработкам. Во многом именно дискуссия немецких криминалистов, развернувшаяся во второй половине XIX в. и начале XX в., послужила поводом и источником появления, а затем и обособления в науке русского уголовного права представлений об объекте как «правовой норме», «правоохранном или жизненном интересе», «материальном предмете», «общественной и государственной пользе», «физическом или юридическом лице» и их «состояниях». Чуть в меньшей степени на взгляды русских правоведов оказали влияние споры французских юристов и социологов, а также мысли, как их назвал Н.С. Таганцев, писателей новой итальянской школы права (Р. Гарофало, Э. Ферри, Н. Колаянни).

Работы отечественных правоведов говорят сами за себя. Со ссылкой на исследование немец-

⁵ См.: Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М.: Госиздат, 1924. С. 129, 130.

кого юриста Л. Оппенгейма как на первоисточник своих знаний, С.В. Познышев в «Основных началах науки уголовного права» изложил свои представления об объекте преступления как об охраняемых законом конкретных отношениях, вещах и состоянии лица или вещей, которые он для удобства и краткости предложил называть правовыми благами⁶. Следуя во многом взглядам К. Биндинга, возражая Ф. Листу и одновременно учитывая представления Р. фон Йеринга и П. Фейербаха о защищаемых благах, Н.С. Таганцев пришел к выводу о том, что преступное деяние посягает на юридическую норму в ее реальном бытии или, иначе, на охраняемый нормой интерес жизни⁷.

До появления отмеченной дискуссии объект продолжительное время не занимал в теории дореволюционного уголовного права значимого места и не выделялся в качестве самостоятельного дискурса в учении о преступлении. В большинстве источников сведения о защищаемых благах или предметах можно отыскать только лишь с помощью анализа предлагаемых учеными понятий о преступлении. Одним из примеров служит монография Л.Е. Владимирова. Разбор сформулированного в ней определения преступления как уголовной неправды дает возможность понять, что под объектом восстания деятеля автор подразумевал закон или охраняемый им принцип⁸. Другой пример, столь же типичный для тех времен, демонстрирует «Курс русского уголовного права» А.В. Лохвицкого, в котором лицо как жертва, а вещь как предмет преступления рассмотрены в рамках одной главы об обстановке преступления. Наряду с ними в этом разделе исследованы вопросы места, времени и способа совершения запрещенных уголовным законом деяний⁹.

Более в работах криминалистов проблеме объекта внимания не уделялось. В тех же случаях, когда в литературе объект упоминался под собственным именем, то под ним специалисты подразумевали не что иное, как предмет преступления. В учебнике уголовного права А.Ф. Кистяковского объявлено, что «объектом преступления называется предмет, на который направлено или над которым совершено преступление». Кроме жизни, здоровья, свободы, чести, как более или менее основных объектов преступления, к их числу юрист также отнес вещи, животных,

учреждения и даже известный строй мыслей¹⁰. В монографии П.П. Пусторослева объект как пользующееся уголовно-правовой охраной благо, над которым учиняется уголовное правонарушение, рассмотрен в параграфе «Предмет преступления», где с ним отождествлен и причислен к его обязательным элементам¹¹.

Нахождение оппонентов в одной мировоззренческой и методологической плоскости подтверждается также тем, что почти все рассуждения современников и их предшественников, какой бы из отмеченных точек зрения они не придерживались, зиждутся преимущественно на позитивистских и эмпирикоцентристских началах.

При критике категории «общественные отношения» часто ссылаются на лежащие в ее основании идеологемы, которые в свое время господствовали в общественном сознании, а ныне утратили свою силу. И в действительности, материалистическая диалектика, ставшая благодатной почвой для становления исследуемой категории, сегодня уже не является непререкаемым и безальтернативным методом научного исследования. Однако представляется, что такого рода объяснений недостаточно для отказа от «общественных отношений». Справедливости ради, необходимо отметить, что в основе всякой теории права всегда лежит идея с соответствующим ей идеологическим обоснованием. И как идеал, и как прообраз правового феномена идея наличествует даже тогда, когда кажется, что она отсутствует. Более того, общественные отношения как категориальная форма не является детищем марксизма, на базе которого в советское время развивалась почти вся гуманитарная наука. Помимо К. Маркс, Ф. Энгельса и их последователей, этим понятием активно оперировали и другие философско-правовые школы.

Имеются более веские причины для пересмотра стереотипа об общественных отношениях как об объекте преступления. Часть из них лежит на поверхности и состоит в предназначении категории «общественные отношения». Опыт большинства известных социальных теорий обращает внимание на то, что они не относились к «общественным отношениям» как к самостоятельной ценности социального мира. Воспринимали ее в качестве собирательной, универсально-теоретической для гуманитарных наук категории, которая может иметь ценность только как рационально-методологическая форма. В этом качестве она выполняет символическую функ-

⁶ См.: Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М.: А.А. Карцев, 1912. С. 131–134.

⁷ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. СПб.: Гос. тип., 1902. С. 48–51.

⁸ См.: Владимиров Л.Е. Курс уголовного права. Ч. 1: Основы нынешнего уголовного права. М.: И.Д. Сытин, 1908. С. 3, 14.

⁹ См.: Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб.: Скоропеч. Ю.О. Шредера, 1871. С. 198–200.

¹⁰ См.: Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. 3-е изд. Киев: Ф.А. Иогансон, 1891. С. 280.

¹¹ См.: Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. С. 191, 255.

цию. Обозначает лишь наличие определенного состава компонентов и возникшей между ними взаимосвязи. Применительно к социальному измерению речь идет о соотношении: 1) субъектов с их статусами, потребностями и интересами, 2) объектов деятельности и результатов взаимодействия, 3) оценки возникших между субъектами отношений, 4) структур и норм, обеспечивающих устойчивость и воспроизводство отношений в жизни¹².

Как структура гносеологического порядка, «общественные отношения» не имеют собственного социального измерения, а только призваны служить для его отражения. Как чистая абстракция, эти отношения сами по себе не производят и даже не воспроизводят индивида и принадлежащие ему жизнь, здоровье и другие неотъемлемые от него блага, а только обуславливают их бытие. Они могут подвергаться аксиологической интерпретации, после того как будут наполнены в том или ином соотношении объектами ценностного порядка. В этой связи представляется очевидным, что вовлечение отмеченного понятия в теорию уголовного права не могло привести и не привело к наступлению ощутимых для нее изменений. Не привнесло дополнительных знаний об интересующих ее объектах охраны и не выступило новым методологическим решением проблемы их освоения на уровне теории уголовного права. Существенным образом не продвинуло на пути поиска полных и специфицированных именно для этой отрасли права представлений о жизни, свободе, собственности и других защищаемых благах. Не стало тем источником, из которого можно было черпать для уголовного права знания об отмеченных ценностях.

Другая часть причин скрыта в исторических предпосылках становления «общественных отношений» как объекта преступления. Экскурс в прошлое убеждает, что последователи марксизма и ленинизма не преследовали вышеназванных целей. Они решали другие задачи и искали для этого несложные средства. Во-первых, стремились избавиться от шелухи старых понятий буржуазного права и уничтожить дореволюционное законодательство. Во-вторых, занимались адаптацией классового устройства общества в повседневной жизни. И, в-третьих, трудились над обеспечением соответствия отечественной теории уголовного права тому, как высказался Н.В. Крыленко, что подходило практике и принципам революционного марксизма¹³, отвечало интересам пришедшего к власти пролетариата. Это право было особенно необходимо его уполномоченным

представителям для дальнейшей борьбы с врагами революции.

Решению отмеченных задач, судя по выбору последователей коммунистической идеи, должна была способствовать теория общественных отношений. Обезличенность и непритязательность основной категории этой теории послужила ей хорошей характеристикой. Ее чрезвычайная востребованность недвусмысленно указывает на то, что именно она более всего подходила и оказалась удобной для приспособления под идеалы большевизма — обобществления социального быта. На этих отношениях как на известном из марксистской философии *производственном базисе* можно без особого труда воздвигать различные политические, юридические и другие надстройки.

Причины такого выбора в целом понятны. Помимо функциональной неприхотливости подобного рода синтетические понятия, по наблюдениям Ж.-П. Сартра, способны нести любую идеологическую нагрузку. Именно по этой причине они активно использовались марксистами в качестве универсализирующей и тотализаторской схемы. С их помощью последователи коммунизма скрывали частное значение каждого установленного факта. После погружения в общественные отношения, а затем извлечения из них этих фактов как из соответствующей социальной тотальности явления и процессы повседневной жизни якобы обретали свою истину и уже расшифровывались как часть целого. Однако на деле, как отмечал французский мыслитель, эвристический принцип: «искать целое через части» — обернулся террористической практикой: «уничтожить частное»¹⁴.

В аналогичном ключе общественные отношения использовались в теории советского права. Процесс их синтезирования не имел границ. Складывается впечатление, что пределов синтетических свойств этого термина никто из юристов не знал и не задумывался о поиске его естественных рубежей. Надо полагать, что такая «беспечность» специалистов была обусловлена базисным статусом этих отношений. Под его влиянием у идеологов тех времен сложилось понимание того, что вся система общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной этим классом силой, представляет собой суть всего права в целом. В этом виде понятие права немногим отличалось от определений других регуляторов человеческой жизнедеятельности (морали, политики, экономики и т.д.). Объектом и одновременно субъектом каждого из них были объявлены общественные отношения. В двуеди-

¹² См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль. 2001.

¹³ Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР. Лекции по теории и истории судостроительства. М.: НКЮ, 1924. С. 111.

¹⁴ См.: Сартр Ж.-П. Проблемы метода: статьи / пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Акад. проект, 2008. С. 28–36.

ном качестве они повсеместно признавались то объектом регулирования, охраны и защиты, то источником и смыслом жизнедеятельности, причиной социальных трансформаций и т.д.

Такое положение дел произвело соответствующее впечатление на разработчиков уголовного права «трудящихся масс». Несмотря на разность масштабов и содержательную несопоставимость определений права и объекта преступления, их постигла схожая судьба. Специалисты включили первое понятие во второе, а по сути, свели значение одного термина к смыслу другого, поставив тем самым между ними знак тождества. В аналогичном порядке были поглощены и иные феномены социальной действительности. В состав общественных отношений, к примеру, были включены, а затем и растворены в них «человек», «общество» и «государство». Как самостоятельных субъектов права их в марксистской теории не существовало. Роль субстанции играли общественные отношения. Эту же функцию они продолжают выполнять в теории современного уголовного права. Во многом именно данным обстоятельством следует объяснять то, что в рассматриваемой отрасли права до сих пор не представлено посвященного его субъектам учения. Как это ни странно, но стало традиционным искать субъектов права в объектах посягательств и находить их в структуре общественных отношений, исследовать потребности и интересы пользователей уголовного права исключительно в формате этих отношений.

Общественные отношения в данном статусе использовались еще и в качестве средства обобщения охраняемых благ, их тотализации и универсализации. Обеспечивали, к примеру, социалистичность всей сосуществующей в советском социуме собственности, то есть, по сути, объявляли объект охраняемым постольку, поскольку это необходимо было господствующему классу, его бюрократическому аппарату.

В итоге, как видно, последователям диалектического материализма оказалось достаточно теории общественных отношений для объяснения почти всех жизненных событий, закономерностей и парадоксов. Такого рода синтетические дефиниции, по мнению марксистов, отражали наличие в реальности одноименной социальной целостности. Она, по их представлениям, происходит из материи, существует такой, какова она есть, и обеспечивает объективный взгляд на мироустройство, то есть речь идет о созерцании и понимании природы, как писал Ф. Энгельс, без всяких посторонних прибавлений, к которым мыслитель относил субъекта с его субъективностью¹⁵. Мир марксизма, по мнению Ж.-П. Сартра,

населен людьми-объектами, сознание которых носит сугубо овеществленный и пассивный характер, действует в пределах чистой психофизиологической детерминации и служит только отражению механистически устроенного бытия.

Однако на деле общественные отношения не послужили ключом или интерпретационной моделью в познании социальной реальности в ее подлинном виде. Немногие использовали эту категорию для установления искомой объективности. Большинство от юриспруденции без какой-либо рефлексии восприняло теорию названных отношений как априорное знание и как своего рода адресованное им предписание. Занялись, по справедливому наблюдению М.К. Мамардашвили, их фетишизацией. Приложили большие усилия к гипостазированию общественных отношений, опрометчиво не обратив внимание на то, что сам К. Маркс воспринимал их как иллюзию, простую абстракцию и использовал термин в тех контекстах, когда имел в виду такую вещь, как индивиды, человеческие субъекты¹⁶. Положительные ценности, в том числе право, были Марксу не нужны и даже вредны, поскольку они, как верно отметил Б.П. Вышеславцев, ослабляли классовую ненависть¹⁷.

Мировоззренческая основа теории дореволюционного русского уголовного права, безусловно, не подвергалась политической обработке в сравнимых с советским периодом масштабах. Юридическая мысль того времени в большей мере развивалась по законам своего бытия, в пределах исторических и культурно-просветительских процессов. Тем не менее представителями русской криминалистики был сделан схожий с советскими юристами выбор. Предпочтение было отдано тем западноевропейским школам, в основе которых также лежал *материальный* субстрат. Речь идет об антропологической, социологической и естественнонаучной школах, с освоением которых был унаследован, а затем и крепко привит отечественному правоведению так называемый дух позитивизма.

Первое учение основывалось на свойствах преступника как человека, имеющего организм и тело, оказывающее влияние на его активность. Второе — на внешних, содержащихся в окружающей среде социальных, экологических, демографических, географических, культурных и других условиях преступления. Третье — на методах и мирозерцании естественных наук, рассматривающих человека как биологическое существо, которое, как писал Л.Е. Владимиров, есть то, чем оно, на основании своей организации, может

¹⁵ См.: Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 513.

¹⁶ См.: Мамардашвили М.К. Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики). СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2012. С. 169, 170, 195, 198.

¹⁷ См.: Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избр. соч. М.: Астрель, 2006. С. 648.

быть, и делает то, что оно может делать, по этой же своей организации¹⁸. Ни одна из принятых на вооружение отечественного правоведения теорий не рассматривала человека как человека, подлинная суть и отличие которого от других особей сокрыты в его духе.

В итоге у истоков представлений об объекте преступления как о «правовой норме», «правоохранном или жизненном интересе», «материальном предмете», «общественной и государственной пользе», «физическом или юридическом лице» в своем большинстве оказались позитивисты, у которых, как известно, всегда во главе всех рассуждений о социальном устройстве и его ценностях стоит исключительно «земное» — телесная природа человека, его практические интересы и производственно-преобразующая деятельность в материальном мире. То же самое касается русского уголовного права. Как писал С.В. Познышев, «современные русские классики — все позитивисты»¹⁹.

Они брали уроки у К. Биндинга и А. Хохе, взгляды которых, в принципе, весьма затруднительно соотносить с правовыми ценностями. Ученые, как известно, оправдывали разрешение на уничтожение «недостойной жизни». Считали, что «идиоты не имеют права на существование, их убийство — это праведный и полезный акт». К. Биндинг, чьи идеи были крайне востребованы немецкими национал-социалистами, предлагал государству учредить специальные комиссии по стерилизации и умерщвлению людей, недостойных жизни, физическому уничтожению тех, кто страдал психическими расстройствами и был нетрудоспособен, в том числе инвалидов, а также болеющих свыше 5 лет.

Учеником и последователем К. Биндинга являлся еще один авторитет русской юриспруденции — доктор права Л. Оппенгейм, творчество которого, что показательно, привело к появлению взглядов Дж. Рэза, одного из самых выдающихся защитников юридического позитивизма. К числу активных проповедников этого течения в уголовном праве также следует отнести Ф. Листа и К. Биркмейера, которые, несмотря на жаркие споры, в определении охраняемых уголовным правом благ исходили из одной и той же основы — исключительно из чувственной природы человека.

В завершение необходимо отметить, что, с аксиологической точки зрения, «общественные отношения» и «правовые блага», в том виде как они задуманы и раскрыты их идеологами, далеки от статуса правовых ценностей. Дело, ко-

нечно, не в том, что автор по ошибке завел здесь речь о несоотносимых явлениях. Однопорядковость «правовых ценностей», «правовых благ» и «охраняемых уголовным правом объектов» не вызывает сомнений. Проблема видится в ограниченных возможностях позитивистского подхода, пределы которого не позволяют в теории обеспечить их сопоставимость, а на практике ясно продемонстрировать родственность этих категорий. Позитивистский выбор подталкивает криминалистов к познанию объекта посягательства через осязательность предмета преступления, к определению правовых благ через попытку осязания его главных черт, к получению знаний о них исключительно из будничного сознания обывателя. Позитивизм упускает из вида то, что основное предназначение правовых ценностей (охраняемых благ) состоит не только и не столько в отображении значимых потребностей повседневной жизни, сколько в обозначении того, что и как *должно* быть в уголовно-правовой жизни ее субъектов, каковыми в конечном счете они сами должны быть. Без «должного» как имманентного качества «правовое» никогда не станет правовым.

На деле полноценное существо правового зачатку недооценивается и трактуется в узком или чисто нормативистском смысле. Проанализированная здесь уголовно-правовая мысль тому не исключение. На ее уровне сформировалась традиция — «должное» не выделять и не отличать от «необходимого» как сферы наличного бытия. Исходя из «необходимого» как сущего и чисто детерминированного процесса принято предназначение уголовного права исчерпывать требованием о наказании, которое всегда и всюду должно неотвратимо следовать за преступлением. Однако истинное повествование уголовного права не ограничено столь заурядным императивом. «Должное» этого права противостоит преступному сомнению и дерзновению Р. Раскольникова, каждое из которых покушается на самую возможность существования защищаемого блага, стремится дискредитировать его непреходящую для социума ценность и оправдать возможность, к примеру, лишения жизни человека в силу скоротечных причин либо условных целей. Предназначение уголовного права состоит в констатации неприступности и неоспоримости защищаемых ценностей, в беспочвенности и бессмысленности всяких посягательств против них.

Основной ценностный посыл рассматриваемой отрасли права состоит в утверждении, что *должна* быть жизнь, свобода, мир и т.д. как неотъемлемые, равно и минимально необходимые для существования личности, общества и государства ценностные структуры. При этом отмеченные блага *должны* быть такими, какие они есть сами по себе, а не в представлении, к приме-

¹⁸ См.: Владимирив Л.Е. Указ. соч. С. 162–171.

¹⁹ См.: Познышев С.В. Указ. соч. С. 14.

ру, все того же главного героя романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Эти ценности *должны* быть в силу своих собственных причин, а не из-за чьей-либо в них потребности. Без этого долженствования как своей онтологической основы и объекта защиты невозможно мыслить уголовное право и каким-либо иным серьезным образом обосновать его бытийное предназначение.

Необходимо ожидать, конечно, что работа над совершенствованием понятий «общественные отношения» и «правовое благо» будет продолжена их сторонниками и последователями позитивизма. В этом заключены положительные и отрицательные стороны традиции. Однако представляется, что неотступное следование такому обычаю не приведет к появлению чего-либо нового в учении об объекте преступления или в теории уголовного права в целом. Всякие усилия в этом направлении окажутся лишь попыткой уточнить термины, судьба и основная смысловая нагрузка которых уже предreshена историей их становления и нашими предшественниками. Они сделали свое дело. Их выбор позволяет сегодня «общественные отношения» отнести к марксизму, а «правовые блага» к родственному для него позитивизму. Остается предложить заняться исследованием самих по себе ценностей (жизни, свободы, собственности и др.). Не искать им очередное терминологическое обличие, а затем мучительно от него избавляться или безуспешно работать над его совершенствованием. Мало кем осознается, но в силу своего основного достоинства — самодостаточности — отмеченные ценности уже содержат в себе предпосылочное знание о *должном* и *должных* условиях их уголовно-правовой охраны.

Список литературы:

1. Алексеев Н.С., Шаргородский М.Д., Актуальные вопросы советского уголовного права // Вопросы советского государства и права. Учен. зап. ЛГУ. 1954. Вып. 5. № 182. С. 154–196.
2. Владимиров Л.Е. Курс уголовного права. Ч. 1: Основы нынешнего уголовного права. М.: И.Д. Сытин, 1908. 400 с.
3. Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избр. соч. М.: Астрель, 2006. 1037 с.
4. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. 3-е изд. Киев: Ф.А. Иогансон, 1891. 892 с.
5. Краснопеев В.А. Объект преступления в российском уголовном праве (теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Кировоград, 2001. 186 с.
6. Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР. Лекции по теории и истории судостроительства. М.: НКЮ, 1924. 410 с.
7. Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам: в 3 т. Т. 1. М.: Наука, 2002. 567 с.
8. Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб.: Скоропеч. Ю.О. Шредера, 1871. 704 с.
9. Мамардашвили М.К. Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики). СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2012. 317 с.
10. Новоселов Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления (методологические аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 260 с.
11. Ожегова Г.А. О критике концепции «объект правонарушения — общественные отношения» // Правонарушение и юридическая ответственность: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв.ред. Р.Л. Хачатуров. Тольятти: ТГУ, 2012. С. 221–255.
12. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М.: А.А. Карцев, 1912. 668 с.
13. Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. 535 с.
14. Сартр Ж.-П. Проблемы метода: статьи / пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Акад. проект, 2008. 222 с.
15. Семченков И.П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 192 с.
16. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. СПб.: Гос. тип., 1902. 823 с.
17. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. М.: Юрайт, 2010. 779 с.
18. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 339–626.

Quasi value of the modern theory of the object crime

Bochkarev S.A.,

PhD in Law, senior researcher,
Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences
E-mail: bochkarvs@mail.ru

Abstract. *In the light of the category of «value» analysed the main provisions of the modern theory about the object of the crime. The study showed that the theory of public relations and legal benefits based on a common ideological basis — positivism, what are their main disadvantages. Chief among them is that neither one nor the other category does not meet the requirements of legal values. Predicted that a further clarification of the definitions of these objects will not lead to the emergence of a new theory of criminal law, to its modernization. The proposals of the methodological plan for the development of the doctrine about object of a crime.*

Keywords: *object of crime, public relations, legal benefit, value, legal values, criminal law, axiology, due, required, Marxism, positivism, materialism.*

References:

1. Alekseev N.S., Shargorodskij M.D. Aktual'nye voprosy sovetskogo ugolovnogogo prava // Voprosy sovetskogo gosudarstva i prava. Uchen. zap. LGU. 1954. Vyp. 5. № 182. S. 154–196.
2. Vladimirov L.E. Kurs ugolovnogogo prava. Ch. 1: Osnovy nyneshnego ugolovnogogo prava. M.: I.D. Sytin, 1908. 400 s.
3. Vysheslavcev B.P. Krizis industrial'noj kul'tury. Izbr. soch. M.: Astrel', 2006. 1037 s.
4. Kistjakovskij A.F. Jelementarnyj uchebnik obshhego ugolovnogogo prava s podrobnym izlozheniem nachal russkogo ugolovnogogo zakonodatel'stva. Chast' obshhaja. 3-e izd. Kiev: F.A. Ioganson, 1891. 892 s.

5. Krasnopeev V.A. Ob'ekt prestuplenija v rossijskom ugovolnom prave (teoretiko-pravovoj analiz): dis. ... kand. jurid. nauk. Kislovodsk, 2001. 186 s.
6. Krylenko N.V. Sudoustrojstvo RSFSR. Lekcii po teorii i istorii sudoustrojstva. M.: NKJu, 1924. 410 s.
7. Kudrjavcev V.N. Izbrannye trudy po social'nym naukam: v 3 t. T. 1. M.: Nauka, 2002. 567 s.
8. Lohvickij A.V. Kurs russkogo ugovolnogo prava. SPb.: Skoropech. Ju.O. Shredera, 1871. 704 s.
9. Mamardashvili M.K. Vil'njusskie lekicii po social'noj filosofii: (Opyt fizicheskoj metafiziki). SPb.: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2012. 317 s.
10. Novoselov G.P. Aktual'nye voprosy uchenija ob ob'ekte prestuplenija (metodologicheskie aspekty): dis. ... d-ra jurid. nauk. Ekaterinburg, 2001. 260 s.
11. Ozhegova G.A. O kritike koncepcii «ob'ekt pravonarushenija — obshhestvennye otnoshenija» // Pravonarushenie i juridicheskaja otvetstvennost': materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / otv.red. R.L. Hachaturov. Tol'jatti: TGU, 2012. S. 221–255.
12. Poznyshev S.V. Osnovnye nachala nauki ugovolnogo prava. Obshhaja chast' ugovolnogo prava. M.: A.A. Karcev, 1912. 668 s.
13. Pustoroslev P.P. Russkoe ugovolnoe pravo. Obshhaja chast'. Vyp. 1. Jur'ev: Tip. K. Mattisena, 1912. 535 s.
14. Sartr Zh.-P. Problemy metoda: stat'i / per. s fr. V.P. Gajdamaka. M.: Akad. projekt, 2008. 222 s.
15. Semchenkov I.P. Ob'ekt prestuplenija: social'no-filosofskie i metodologicheskie aspekty problemy: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2003. 192 s.
16. Tagancev N.S. Russkoe ugovolnoe pravo. Lekcii. Chast' obshhaja. T. 1. SPb.: Gos. tip., 1902. 823 s.
17. Ugolovnoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: sb. ocherkov / pod red. V.V. Luneeva. M.: Jurajt, 2010. 779 s.
18. Jengel's F. Dialektika prirody // Marks K. Jengel's F. Soch. T. 20. S. 339–626.